

Сенсация или дешевка?

«Мир Родина»

22.XII.1990 г.

В конце октября 1990 года ветераны линкора «Новороссийск» отметили 35-летие страшной трагедии (29.10.55 г.).

Эта мрачная страница истории нашего флота вызвала живейший интерес не только у моряков, но и у людей, далеких от моря и флота. В периодической печати появилась масса публикаций с воспоминаниями участников и очевидцев катастрофы, а также с основанными на этих воспоминаниях произведениями литераторов.

Надо сказать, что трудодоступность и недостаточная полнота архивных материалов о катастрофе, а также ее давность (с легкой руки Н. А. Черкашина о ней вспомнили лишь спустя 33 года), стершая из памяти очевидцев многие подробности, привели к большому разбросу мнений по ряду обстоятельств аварии и гибели линкора.

В первую очередь это коснулось вопроса о первопричине аварии — взрыве, повредившем корабль. Не обошлось здесь, как мне кажется, и без конъюнктурных факторов, без стремления ряда авторов сыграть на жажде читателей к сенсациям. В результате из двух вероятных вариантов:

— взрыв донной немецкой мины, оставшейся после войны в грунте;

— взрыв заряда, доставленного итальянскими подводными диверсантами.

Основное внимание стали уделять второму. И не потому, что были какие-либо веские доказательства его большей вероятности, а именно из чисто «литературных» соображений большей таинственности и занимательности.

Для тех, кто хотел бы не «душещипательного» занимательного чтения, а знания истинного состояния вопроса о взрыве в том объеме и с той степенью достоверности, которые были доступны специалистам, сообщая следующее.

Через 10 часов после гибели линкора «Новороссийск» в Севастополе прилетели члены Государственной комиссии во главе с зампредом Совмина СССР В. А. Малышевым. В тот же день комиссия приступила к работе по расследованию причин и обстоятельств катастрофы. Детальным анализом ее технической стороны при этом занимались две специальные экспертные комиссии: по взрыву и по непотопляемости, в состав которых входили крупнейшие ученые нашей страны. Так, экспертную комиссию по взрыву возглавлял директор главного научно-исследовательского института Минсудпрома (ныне ЦНИИ имени А. Н. Крылова) инженер-контр-адмирал В. И. Перилин, инженер-кораблестроитель, крупный специалист по прочности корпуса корабля. Крупнейшими специалистами непосредственно в области подводного взрыва были члены комиссии доктор технических наук инженер-капитан 2 ранга Г. С. Мищенко и Ю. С. Яковлев (впоследствии профессор, инженер-вице-адмирал, лауреат Государственной премии, начальник одного из НИИ ВМФ). Авторитет этих специалистов для меня непочуждаем.

К каким же выводам пришла экспертная комиссия?

1. Взрыв, безусловно, вне

всяких сомнений, внешний. Об этом свидетельствует весь характер повреждений корпуса, в частности, загнутые внутрь кромки пробоины.

2. Взрыв неконтактный донный (заряд находился не вплотную к корпусу, а на грунте). Этот факт тоже бесспорный. Налицо все признаки неконтактного взрыва: встреча всего корпуса, огромная вмятина в днище, образовавшийся на грунте котлован. Выброс на поверхность (на палубы линкора) больших масс ила. Для проверки комиссия провела два экспериментальных взрыва мин: одной — на грунте, а второй — над грунтом на

Мнение ученого о гибели линкора «Новороссийск»

глубине, соответствующей осадке линкора. Только донный взрыв дал эффект, близкий к ожидаемому (котлован, выброс ила).

3. Характер разрушения корпусных конструкций соответствовал взрыву заряда тротиловым эквивалентом в 1.100—1.200 кг.

4. Анализ всех обстоятельств дал основания считать наиболее вероятным взрыв немецкой магнитной мины типа «DMH», оставшейся в грунте после освобождения Севастополя в мае 1944 г. Консультации с ведущими специалистами-минерами позволили разработать весьма верооятную и простую версию причин, вызвавших взрыв мины спустя более 11 лет после ее постановки (случайный толчок якорь-цепью при постановке линкора на бочни, вызвавший пуск остановившегося часового механизма взрывателя).

5. Крайне неудовлетворительное состояние охраны рейдов и входа в Северную бухту 28—29 октября 1955 года не исключало возможности диверсии. Каких-либо ее признаков установлено не было, отмечалась лишь ее возможность, обусловленная нарушениями рейдовой службы.

Большая вероятность минного взрыва подтвердилась впоследствии следующими фактами:

— при подготовке базирования судоподъемной экспедиции в марте 1956 года вблизи Ушаковой балки на грунте Северной бухты водолазы обнаружили мину указанного типа;

— при сплошном водолажном обследовании грунта бухты летом 1956 г. было найдено 13 донных мин (в том числе 8 — типа «DMH»); три мины находились на расстоянии менее 50 м от затонувшего линкора;

— при повторном водолажном обследовании в 1957 году найдено еще 5 донных мин (из них 3 — типа «DMH»). Найденные водолазами мины не были ликвидированы предшествовавшим трением в связи с тем, что их взрыватели вышли из строя и не

реагировали на магнитные импульсы трапов. Не дали полного эффекта и контрвзрывы, поскольку сбрасывание глубинных бомб осуществлялось с недостаточно малым интервалом, не перекрывая дистанцию детонации.

Нашла подтверждение и версия о возможности взрыва донной мины спустя несколько часов после толчка, вызвавшего пуск остановившегося часового механизма. Такой случай был в 1951 году в порту Осипенко, где мина взорвалась на грунте роено через сутки после ухода швартовавшегося над ней парохода.

Таким образом, в пользу минного взрыва свидетельствует ряд реальных фактов, тогда как диверсионный взрыв, кроме самой его возможности, не имеет сколько-нибудь веских подтверждений. В качестве таковых используют лишь общие рассуждения эмоционального толка. Видная роль при этом отводится якобы имевшим место «ура-патриотическим» угрожающим публикациям в итальянской печати и высказываниям итальянских офицеров. Но конкретных литературных источников никто из авторов назвать не мог, ссылаясь на то, что слышали об этом от авторитетных лиц.

Н. А. Черкашин, правда, ссылается конкретно на адмирала Г. И. Левченко, но тот тоже ничего такого сам не читал, а лишь получил из Москвы предупреждение о возможности диверсии перед приемкой линкора у итальянцев в феврале 1949 года.

Что касается другого «авторитетного лица», на которое ссылался М. Р. Никитенко, то оно было названо еще 30.10.55 г. во время работы правительственной комиссии — это приятельница его жены, которая днем 29.10.55 г. слышала в троллейбусе и на базаре, как кто-то кому-то говорил об угрозах какого-то итальянского офицера все в том же феврале 1949 года.

Н. А. Черкашин ссылается также на картины, виденные им в стенах итальянской военно-морской академии, но о действительном содержании этих картин можно лишь догадываться.

Неубедительны и доводы, приведенные Н. А. Черкашиным в последней статье в «Славе Севастополя» от 28.10.90 г.

Подводя итоги, можно заключить, что хотя версия о диверсионном взрыве имеет право на существование, но все приведенные доводы в ее пользу весьма сложны и неубедительны, поэтому отдавать ей предпочтение, видимо, нет оснований. При оценке этой версии невольно вспоминается высказывание известного украинского философа Григория Сковороды, писавшего: «Слава Господу, создавшему все ненужное — сложным, а все сложное — ненужным».

Капитан 1 ранга
в отставке
Н. МУРУ,

доктор технических наук, профессор, бывший главный инженер экспедиции по подъему линкора «Новороссийск».